

— **Аркадий Михайлович, какие вопросы вы не хотели бы от меня услышать?**

— Я не хотел бы, чтобы вы спрашивали о том, о чем спрашивают все журналисты:

а) Были ли в вашей жизни смешные эпизоды?

б) Ваш любимый анекдот?

в) Вас на улицах узнают?

г) Ваши творческие планы.

— **О'кей, наложим вето на а), б), в) и г). Вопрос первый: не Илья ли Ильф надоумил вас с Григорием Гориним взять алитерированные с именами фамилии?**

— Нет. Просто когда мы с Гориним принесли на радио свою первую совместную интермедию, редактор сказала: «Ребята, вы должны взять другие фамилии, потому что я не смогу объявить: «Авторы интермеди Штейнбок и Офштейн. Это невозможно!». Меня в детстве звали «Аркан». А Григорий не знаю откуда взял свой псевдоним. Позднее он его расшифровал так: «Гриша Офштейн Решил Изменить Национальность».

— **Ну а влияние Ильф с Петровым оказали на вас?**

— Я в совершеннейшем восхищении от Ильфа и Петрова, очень высоко их ставлю. Но я совсем другой: я не воспроизвожу ни их интонации, ни построение сюжета. Уж если я испытал чье-то влияние, так это Гоголя, Зощенко и Булгакова. Это три моих бога.

— **Вот вы назвали Булгакова. Он — врач. Я вспомнил Вересаева, Чехова, Аксенова, назову здесь и вас с Гориним. Вы можете объяс-**

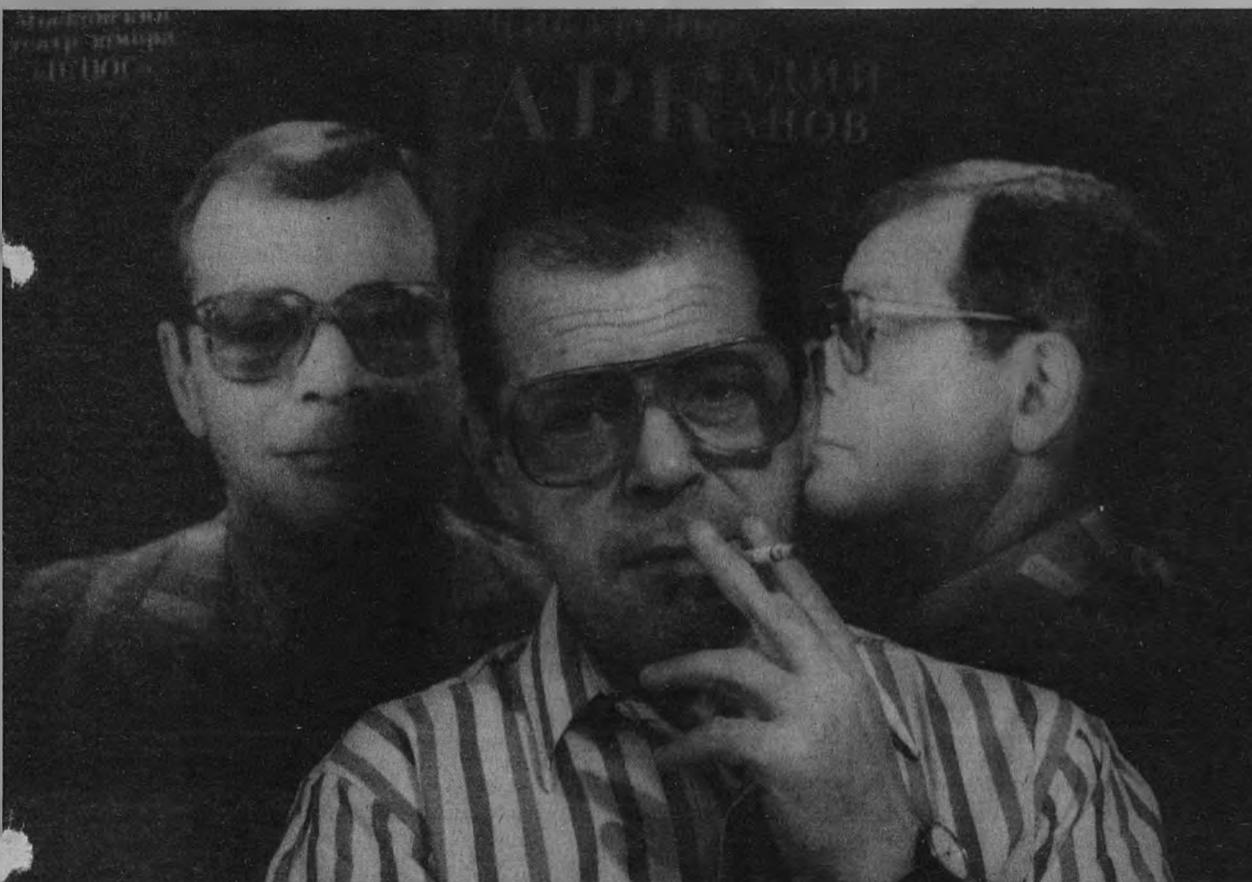
Я

настиг (сказать заарканил было бы банально) его в Москве. А началось все за кулисами культурного центра университета Rutgers в штате Нью-Джерси примерно год назад. Я подошел к известному писателю, а в тот вечер — руководителю «десанта» московских писателей-юмористов и конференсье Аркадию Арканову. Он на интервью согласился, дал нью-йоркский телефон своих знакомых и — был таков. Я уже и думать об этом перестал; иду как-то в ностальгической задумчивости по 5-й авеню «города желтого дьявола». Навстречу — вы правильно догадались — Аркадий Михайлич. «Вот где вы мне попались!» — воскликнул я и достал авторучку. Но писатель, конечно, спешил. «Смотрите, специально прилечу в Москву за интервью», — пригрозил я на прощание. Так оно и вышло...

Век Москва, - 1997 - 15 ноября - 0.5
Аркадий Арканов:

ОРАТЬ «УРА»

Я НЕ УМЕЮ

нить, почему медицина дала столько писателей?

— Именно в медицине ты понимаешь, что венец творения — не что иное, как обыкновенное биологическое существо, и я еще не уверен, что более приспособленное к этой жизни, чем братья наши меньшие. Любые поступки человеческие: императивные, трусливые, истерические, подлые, гадкие, переходы с крика на шепот, от добра к злу — все это результат биохимических процессов, происходящих в организме и т.п... Изучающий медицину становится в полном смысле слова инженером человеческих душ. Много неправильного, глупого встречается в литературе от общей неграмотности. И, была б моя воля, я бы в Литературном институте вместо целого ряда предметов обязал бы изучать анатомию и физиологию человека.

— **Сколько книг у вас вышло, сколько пьес поставлено?**

— Давайте посчитаем. «Четверо под одной обложкой». Потом были: «Соло для дуэта», «В этом мире много миров», «Истинная ложь», «Все», «Сюжет с нелепым прогнозом» и «От Ильича до лампочки». Мы с Гришей написали 5 пьес, из них поставлено три: «Свадьба на всю Европу», «Маленькие комедии большого дома» и «Банкет». Последняя пьеса прошла в 1969 году всего 13 раз и была снята по велению Екатерины Алексеевны Фурцевой с очень неприятными для нас последствиями. А две из тех пяти пьес просто не получились, не были поставлены. В свое время Михаил Аркадьевич Светлов,

будучи уже мэтром, сказал мне, начинающему писателю: «Не публикуют и не ставят, Аркадий, в двух случаях: либо это гениально, и вы опередили время, либо это действительно говно». Мне более приятно думать, что я написал шикарную пьесу, но ее никто не может осмыслить.

— **А анекдоты вы сочиняли, Аркадий Михайлович?**

— Никогда. Все сатирики очень честолюбивы. И если бы кто-нибудь сочинил анекдот, об этом бы знали все — авторы трубили бы на всех углах. Но совесть не позволяет выдать анекдот за свой. Кто и как сочиняет анекдоты, для меня остается полнейшей загадкой. Азимов предложил вполне серьезную теорию, что анекдоты — это тесты, спускаемые нам свыше творцом. Американцы считают, что чувство юмора показывает уровень интеллекта. Автор анекдота — это великий человек. Из анекдота может возникнуть пьеса, роман. Пушкин рассказал Гоголю анекдот, в результате возник «Ревизор»...

— **Ваша «история советской власти» «От Ильича до лампочки» доведена до 1991 года. Вы собираетесь ее продолжать?**

— Сейчас выходит новое издание, где я довел историю до нынешних времен. И в новом предисловии я написал, что сколько меня хватит, столько я буду продолжать — как Пимен.

— **Значит, вы находите и в сегодняшнем дне абсурд, глупость, над которыми нужно смеяться?**

— Фанаты коммунизма должны

приговорить меня за эту книгу, как Салмана Рушди. Но они — фанаты! Как врач скажу: фанатизм — это разновидность шизофрении. Один фанат говорит мне как-то: «Это издевательство, как вы показываете революционером». Я его спрашиваю: «А почему можно над французскими революционерами смеяться?». Он мне: «Над ними — пожалуйста, а над нашими — нельзя»... Осмеянию может быть подвергнуто абсолютно все. Чувство иронии по отношению к самому себе делает человека великим и отличает его от животного. Когда посмеиваешься над собой, выясняется много интересного и смешного. И, чтобы успокоились фанаты, скажу, что первая часть «От Ильича до лампочки» называется «История советской власти», вторая — «История антисоветской власти». И антисоветской власти достаётся не меньше, чем советской. Потому что это моя работа и по-другому я не могу. Если бы я был другим человеком, я бы сочинял гимны. Я бы сейчас был автором гимна России, которого до сих пор нет. Но орать «ура» я не могу.

— **Вы много времени отдаете телевидению, эстраде, радио. Не о вас ли сказано: «Русский писатель любит, когда ему мешают работать»?**

— Да, и обо мне тоже. Потому что я зоологический лентяй. Я не работаю каждый день, пишу либо по необходимости, либо когда находит то, что называется вдохновением, — боюсь даже произнести это слово. Хотя если уж сажусь за какую-то ра-

боту, то делаю ее быстро и качественно — это не моя оценка. Что касается телевидения и радио, то это все-таки колоссальная трибуна. Люди склонны тебя забывать, и я не вижу ничего плохого в том, чтобы напиться о себе с экрана. Главное — отвечать за то, что я делаю. Если просто так мелькать, сидеть, пожирать какого-нибудь крокодила на тусовке — это бессмыслица, это я не люблю.

— **Во время вашего исполнения иронических куплетов «по мотивам» Толстого и Достоевского в ЦДЛ на вечере открытия сезона из зала прозвучало несколько, скажем так, грубых реплик. На какие размышления они вас натолкнули?**

— Союз писателей и Дом литераторов как его бывшая часть всегда отличались некой заполитизированностью и полным разграничением взглядов. Сейчас существуют пять отделений Союза писателей, и никто друг с другом не контактирует. Существуют нелепые деления: почвен-

ники, городские, интеллектуалы, либералы и так далее. Но главное вот что: не у многих писателей есть чувство свободного юмора, свободной иронии. Среди них есть множество таких, которые берут на себя функцию радеть за отечественную литературу. При этом они настолько радуют, что не понимают часто, о чем идет речь. То, что произошло в ЦДЛ, имеет два оттенка. Первый: человек не туда попал. Он — радетель. И не дай Бог вам иронично сказать о Толстом, нельзя! Эта тенденция была всегда, это отрывка старого нашего коммунистического прошлого. Такие вещи были и раньше, только раньше, если вы выходили с таким ироничным сочинением на тему Толстого, Достоевского, то либо вы не выходили вообще — то есть вам не разрешили, либо, когда вы выходили, то вякали не два человека, как на том вечере, а 2/3 зала. И еще письмо могло на вас написать... Меня другое обрадовало: 99% зала приняло, правильно поняло мою вещь.

— **Ваша мама, брат и сын живут в Соединенных Штатах. Естественно, встает вопрос: а вам «голос был»?**

— Бывали моменты в этой жизни, когда хотелось сказать: «Надоело все это...». Этот вопрос возникал и очень быстро как-то отпадал, отсыхал. Дело в том, что я связан с языком. И нигде, никогда не найду того отклика, который нахожу здесь, — при всех возникающих у нас сложностях, трудностях, а иногда и опасностях.

— **Что вы имеете в виду?**

— Звонки по телефону, когда тебе напоминают о твоём происхождении и угрожают. Но когда ты выходишь на улицу и на один такой звонок видишь сто улыбок — это перевешивает.

Я знаю одно. Если почувствую, что в том, что я делаю, я стал невостребован, если я исписался, идей больше нет, не исключаю, что могу поехать в Америку, попытаюсь получить грин-карту и нормально «доезжать», как говорят на ипподроме наездники. В свое время Феликс Камоу, уезжая, сказал замечательную вещь: в стране, из которой можно уехать и в любой момент в нее вернуться, можно и жить.

Беседовал Владимир НУЗОВ